

Г. ТРОИЦК ЛИТЕРАТУРНЫЙ

12 апреля 2009 г.

Произведения, прозвучавшие на **Вечере поэзии и прозы** писателей города в Троицком центре культуры и творчества. (*Сиреневый б-р, д.1, тел. 51-07-68*)

СОДЕРЖАНИЕ

	стр.
Алексей МИЛЬКОВ	1
Ирина ШЛИОНСКАЯ (член Союза писателей России)	5
Владимир КУЛИБАБА	7
Валерий САВОСТЬЯНОВ (член Союза писателей России)	8
Анатолий КОРОБОВ	10
Геннадий СОЛОВЬЕВ	12

Алексей МИЛЬКОВ

Где-то по июню, как по лугу,
Дикие гуляют табуны.
Ветер в травах носится по кругу,
Ошалев от близости Луны.

Надежда Мирошниченко

ЕДИНЕНИЕ С ПРИРОДОЙ (пародия)

Где-то по июню, как по лугу,
Дикие гуляют табуны.
Ветер в травах носится по кругу,
Ошалев от близости Луны.

Ах и ох! Красиво как по лугу!
Ох и ах! Дикуют табуны!
Ах и ох! Всё мало им по кругу!
Ох и ах! От шалости Луны!

Клары, Кати, Габриэлы, Муськи,
Ксении, Регины, Николая,
Даши, Клеопатры, Маши, Нуськи,
Прочие ля-ля и тополя.

Страстные пасутся кобылицы.
Силою неистов жеребец.
Ночку всю придется потрудиться,
Чтоб под утро вышло, наконец.

Луг озоном пенится отборным.
Эх! Как полны ночи и чудны!
Эх! Любви все глупости покорны!
Грех – не грех под святостью луны!

Вот уж поиюню! Поиюню!
Вот уж поматросю сгоряча!
Вот уж под луной пояню-июню!
Девки, врассыпную от меня!

Так их поиюню-поиюню!
Если не успеют девки кто,
Так я их обслую, так разнюню,
В дамы превратятся разве что.

“Поэт в России – больше, чем поэт”!

Евгений Евтушенко

Поэт в России – больше, чем балет,
Поэт красив, как мощный старт ракеты,
Поэт – взведенный страстью арбалет,
Ему в печать!

Так нет же!

Что вы?

Где там?

Александр Максимов

ПОЭТ – НЕВОЛЬНИК СЛАВЫ (пародия)

“Поэт в России – больше, чем поэт”!
В особенности, пародист и лирик.
Он – говорун, ведун¹, трибун и вед,
Его не втиснешь в чистогана мирик.

Поэт в России – больше без штиблет!
Путь грозовой, весь в молниях и росой.

И вот, стихи – сияющий паркет!
На нем заметней след поэта босый.

Поэт в России – больше, чем валет!
Бросают дамы нежных взглядов речи.
Отложен в сторону пера стилет.
Не слышно музыки, потухли свечи...

Поэт в России – больше на оmlет!
Идет, чем на глазунью или яйца всмятку.
К виску (и вся недолга) пистолет.
И эпитафия: “Попал в десятку!”

¹ Ведун – знахарь и колдун.

Поэт в России – больше, чем куплет,
Он памятник себе воздвиг
нерукотворный,
Он песня, он поэма, он сонет,
И вот стоит на пьедестале непокорным.

Поэт в России – больше не секрет,
Что выше он любой из горных гряден,

Что всяк пиит пророк на много лет,
Что глубже всех он океанских впадин.

Поэт в России – больше, чем балет,
Поэт красив, как мощный старт ракеты,
Поэт – взведенный страстью арбалет,
Его изъять!

Чтоб канул
срочно
в лету!

САГА О РАЗГУСЛЯЕВЕ

(1) Разгусяев решил написать роман о богине: о Диане, Афродите, Гее. Не важно, о какой богине, главное, чтобы героиня была выше характера простой смертной и на уровне полета души.

– Катя, – позвал он жену, – тут у меня не клеится, не выписываются некоторые детали. Ты не знаешь, во что одеты богини?

Катя как есть, в чем мать родила, вышла из ванны.

– Стой, замри, не дыши, это то, что надо! – вскричал пораженный Разгусяев, хватаясь за авторучку.

(2) Разгусяев начал 5 главу о богине.

– Катя, – позвал он жену, – тут у меня не клеится, не выписываются некоторые детали. Ты не знаешь, что едят богини?

Катя как есть вышла из кухни с пустым подносом в руках.

– О, шведский стол! Полный амброзии! Стой, замри, не дыши, это то, что надо! – вскричал пораженный Разгусяев, хватаясь за авторучку.

(3) Разгусяев начал 12 главу о богине.

– Катя, – позвал он жену, – тут у меня не клеится, не выписываются некоторые детали. Ты не знаешь, что пьют богини?

Катя как есть вышла с полным половым ведром.

– “Нектар”! Прекрасный душистый сладкий “Нектар”! Моя любимая марка пива! Стой, замри, не дыши, это то, что надо! – вскричал пораженный Разгусяев, хватаясь за авторучку.

(4) Разгусяев начал 25 главу о богине.

– Катя, – позвал он жену, – тут у меня не клеится, не выписываются некоторые детали. Ты не знаешь, богини любят деньги?

Катя как есть вышла с купюрами и стала разбрасывать их из окна.

– О, занимаются благотворительностью! Стой, замри, не дыши, это то, что надо! – вскричал пораженный Разгусяев, хватаясь за авторучку.

(5) Разгусяев начал 44 главу о богине.

– Катя, – позвал он жену, – тут у меня не клеится, не выписываются некоторые детали. Ты не знаешь, чем занимаются богини в свободное от работы время?

Катя как есть вышла из ванны с охалкой нестиранного белья и бросила его к ногам Разгусяева.

– Стирка! О, как унижительно и недостойно богинь! О, всемогущие боги! Прекратите хоть вы это безобразие! Катя, стой, замри, не дыши, это то, что надо! – вскричал пораженный Разгусяев, хватаясь за авторучку.

(6) Разгусяев начал 68 главу о богине.

– Катя, – позвал он жену, – тут у меня не клеится, не выписываются некоторые детали. Ты не знаешь, как богини относятся к богам?

Катя как есть вышла из кухни со скалкой.

– О, гладят тело и ублажают душу! Стой, замри, не дыши, это то, что надо! – вскричал пораженный Разгусяев, хватаясь за авторучку.

(7) Разгусяев начал 77 главу о богине.

– Катя, – позвал он жену, – тут у меня не клеится, не выписываются некоторые детали. Ты не знаешь, а дети у богинь были?

Катя как есть вышла из детской с пятью малышами.

– О, незаконнорожденные! Так я и подозревал! О, боги, как вы непостоянны! Какие прелюбодеяния вы творите? Какой пример подаете людям? Катя, стой, замри, не дыши, это то, что надо! – вскричал пораженный Разгуслеяев, хватаясь за авторучку.

(8) Разгуслеяев начал 83 главу о богине.

– Катя, – позвал он жену, – тут у меня не клеится, не выписываются некоторые детали. Ты не знаешь, что читают богини?

Катя как есть вышла из домашней библиотеки, подбородком подпирая стопку книг о домашнем хозяйстве.

– О, Камасутра! Стой, замри, не дыши, это то, что надо! – вскричал пораженный Разгуслеяев, хватаясь за авторучку.

(9) Разгуслеяев начал 89 главу о богине.

– Катя, – позвал он жену, – тут у меня не клеится, не выписываются некоторые детали. Ты не знаешь, с солнцем или луной можно сравнить богинь?

Катя как есть стояла у зеркала в маске из огурцов.

– О, луноподобное солнце! О, солнцеподобная луна! Стой, замри, не дыши, это то, что надо! – вскричал пораженный Разгуслеяев, хватаясь за авторучку.

(10) Разгуслеяев начал 92 главу о богине.

– Катя, – позвал он жену, – тут у меня не клеится, не выписываются некоторые детали. Ты не знаешь, чем развлекаются богини?

Катя как есть лежала на постели.

– О, неверные богини! Погрязши в похоти и разврате! Как вы можете? Катя, лежи, замри, не дыши, это то, что надо! – вскричал пораженный Разгуслеяев, хватаясь за авторучку.

(11) Разгуслеяев начал 100 главу о богине.

– Катя, – позвал он жену, – тут у меня не клеится, не выписываются некоторые детали. Ты не знаешь, какова роль богов в личной жизни богинь?

Катя как есть вышла и бросила в лицо Разгуслеяеву брачный контракт.

– О, любовь и идиллия! И всё достойные прописаны имена! Стой, замри, не дыши, это то, что надо! – вскричал пораженный Разгуслеяев, хватаясь за авторучку.

(12) Разгуслеяев начал 101 главу о богине.

– Катя, – позвал он жену, – тут у меня не клеится, не выписываются некоторые детали. Ты не знаешь, в какие игры играют богини?

Катя как есть вышла с луком и прицелилась стрелой в Разгуслеяева.

– О, амазонки! С ампутированной правой грудью²! Стрельба по живым мишеням! Идет охота на волков! Смерть хищникам! Стой, замри, не дыши, это то, что надо! – вскричал пораженный Разгуслеяев, хватаясь за авторучку.

(13) P.S.

Но не успел... Правая грудь Кати не помешала удачному выстрелу.

² Амазонки сознательно отрезали правые груди, чтобы не мешали прицельно натягивать луки.

Ирина ШЛИОНСКАЯ

МУЗУ ВЫЗЫВАЛИ ?

(рассказ)

Володя Зимин, корреспондент газеты «Посторонние вести», переживал творческий кризис. Неделю назад главный редактор устроил ему головомойку за «вторичность» излагаемых в статьях фактов и потребовал срочно подготовить эксклюзивный материал, чтобы подержать безнадежно падающий тираж издания.

– Да где я вам возьму эксклюзив? – пытался отвертеться Зимин. – Про все уже писали: и про НЛО, и про ведьм, и про призраков, и про домовых...

– А ты придумай! – грозно вращал очами редактор. – И чтоб не вздумал брать из Интернета – лично проверю!

Володя пригорюнился. Никаких новых идей у него не было, а тут еще главный запретил пользоваться Инетом.

«Заявление об уходе что ли, подать? – размышлял он. – Да где сейчас другую работу найдешь? Да еще за нормальную зарплату?»

Зимин в глубокой задумчивости сидел перед включенным компьютером. «Напишу-ка я, как мой сосед дядя Федя с пришельцем повстречался! Сам рассказывал, зелененький такой! Только был дядя Федя с похмелья, кто знает, можно ли ему верить? Да и пришельцами нынче никого не удивишь. Может, Таньке Сорокиной позвонить – она говорила, у нее дома барабашка завелся? Нет, тоже старо... Да что ж такое придумать?»

Зазвонил телефон. Зимин со вздохом снял трубку. Звонил его приятель и бывший сокурсник по журфаку Стас Горичев.

– Как дела? Что голос такой грустный?

– Да вот, статья не идет, – вздохнул Володя и принялся рассказывать о своих газетных перипетиях.

– И ты из-за этого переживаешь? – удивился Стас. – Ерунда какая! Найди себе музу – и дело как по маслу пойдет!

– Ты что, с бодуна? Какая муза?!

– Обыкновенная. Что ты, про муз никогда не слышал, которые поэтов и писателей вдохновляют?

– Но то поэты и писатели! А я – журналист.

– Все одно – писака. Значит так, ты должен сам ее позвать!

– Кого позвать?

– Музу.

– Да что ты брешешь, нету никаких муз! Это только в мифологии.

– А ты позови – и увидишь, что есть. Сама примчится. Ну давай, действуй, удачи тебе!

И Стас повесил трубку.

В душе копилась досада и раздражение. У человека беда, а этот тип пристаёт с какой-то музой!

А что если и правда – позвать?

Зимин попытался сосредоточиться. Он уставился туманным взглядом куда-то вдаль и позвал:

– Муза! Где ты? Явись!

Ничего не произошло, и он обреченно вернулся к созерцанию компьютерного монитора.

Где-то через час в прихожей вдруг раздался звонок. Володя нехотя пошел открывать. В глазок он увидел симпатичную девушку. Девушка была ему явно незнакома.

«Адресом ошиблась, наверное», – подумал журналист. И на всякий случай спросил:

– Вам кого, мадемуазель?

– Мне Владимира Зимина, – ответила гостья из-за двери приятным голосом.

– А вы кто? – полюбопытствовал Володя, так и не открывая двери. Мало ли сейчас аферистов всяких ходит!

– Я – ваша Муза, – торжественно объяснила девица. – Вызывали?

От растерянности он сразу щелкнул замком и впустил незнакомку в квартиру.

– Здравствуйте, – вежливо сказала девушка. И сразу стала снимать сапожки.

– Позвольте, я помогу вам раздеться, – решив поиграть в галантного рыцаря, Зимин снял с плеч гостью пальто. Покончив с раздеванием, девушка уверенно направилась в комнату. Впрочем, перепутать было трудно – квартира однокомнатная.

– Простите, у меня беспорядок, – пробормотал Зимин, виновато обводя взглядом типично холостяцкую берлогу: стол и оба кресла завалены книгами и газетами, на полу валяются носки и рубашки, а в пепельнице на журнальном столике – невытряхнутые окурки.

– Это неважно, – звонко ответила девица и уселась на диван, где еще оставалось свободное место. Зимин так и остался стоять посреди комнаты. Сесть рядом с девушкой он постеснялся.

– А вы и правда Муза? – спросил он.
– А иначе зачем бы я к вам пришла?
– Откуда вы взялись?
– О, это долгая история! Главное, что вы меня позвали и я здесь. Вообще-то нас всего девять, но мои сестры сейчас заняты.

– И у вас есть имя?
– Конечно. Меня зовут Екатерина. Катя...
– А я думал, у муз другие имена... Греческие там какие-нибудь или римские...
– У нас много имен. Но людям так проще.
– И вы правда можете... сделать так, чтобы ко мне явилось вдохновение?

– Могу.
– Что ж, приступайте.
– К чему?
– К вашей работе.
– Э, так не пойдет! К вам в гости дама пришла, а вы даже чаю ей не предложите!

– Ой, простите! – спохватился Володя. – Пойдемте на кухню.

Они пили чай, и муза Катя рассказывала ему свою жизнь.

– Я родилась много веков назад. Сначала я была музой одного древнегреческого поэта. Он был слепым. Но это не мешало нам общаться. Я рассказывала ему о покорении Трои, о прекрасной Елене, о странствиях Одиссея... И он создал две поэмы, которые прославили его и которые будут помнить, пока живет человечество...

– Ты о Гомере! Надо же!

– Потом я долго скиталась. Я сменила множество хозяев. Однажды я попала в дом одного француза и придумала для него пару забавных историй о приключениях трех мушкетеров и их друга. И о храбром человеке, сбегавшем из неприступной тюрьмы, куда его заточили враги...

– Ты была знакома с Александром Дюма!

– Да, и со многими другими. В начале XIX века меня занесло в Россию. Я опекала юношу с черными курчавыми волосами, рассказывала ему сказки о царе Салтане, о мертвой царевне и семи богатырях. Потом он захотел написать что-нибудь посерьезнее, и я выдумала историю про несчастную любовь и дуэль. Вскоре мой поэт и сам погиб на дуэли.

– Ты знавала самого Пушкина! А я-то, несчастный журналистик, тебе зачем?

– Музы не выбирают, к кому прийти. Они приходят к тем, кто их позовет. Многие люди никогда нас не зовут. Им это просто-напросто не приходит в голову. И никто никогда не узнает, насколько они талантливы!

– Несчастные!

– Но с вами, Владимир, будет по-другому. Вы обязательно напишете гениальную статью. Ее замысел еще не пришел вам в голову?

– Нет... Пойдите-пойдите! Кажется, я знаю, о чем писать! Я напишу о вас!

Зимин бросился к компьютеру и принялся стучать по клавишам. Он не слышал, как Катя вошла в комнату и остановилась у него за спиной.

– Пожалуй, я пойду поставлю еще чаю, – тихонько произнесла она наконец, вдоволь налюбовавшись склонившимся над клавиатурой журналистом.

Отпивая из чашки ароматно заваренный чай, Володя удовлетворенно пробежал взглядом написанные строчки.

– Знаете, мне пора идти. Было очень приятно с вами познакомиться, – сказала Екатерина.

Журналист встрепенулся.

– Куда же вы? Разве вы не моя Муза?

– Конечно, ваша!

– А я думал, вы останетесь, – упавшим голосом протянул Зимин.

– Увы, я сыграла свою роль и больше вам не нужна.

– Ну, может, хоть телефончик оставите? Я у вас статью потом завизирую.

Катя усмехнулась.

– Что ж, ладно. Записывайте...

Несколько минут спустя после ее ухода Володя позвонил Стасу.

– Старик, ты не поверишь! Ко мне сейчас Муза приходила?

– Ну и как тебе Катюша? – поинтересовался приятель.

Зимин осекся.

– А откуда ты знаешь, как ее зовут?

Нехорошее подозрение закралось в душу. Он вспомнил, что Горичев большой любитель различных розыгрышей.

– Ты что, и впрямь поверил? В муз? Ну, ты даешь! Это была, конечно же, никакая не муза, а Катя Бегунова, аспирантка журфака, моя знакомая. Ты что-то захандрил, вот я и договорился с ней, что она тебя развеселит, дал твой адрес...

– Ах ты, обманщик! Этого я тебе никогда не прошу!

Володя изо всей силы шмякнул трубкой о рычаг и вернулся к компьютеру.

«А статья-то и в самом деле получилась!» – пришло ему в голову через минуту. Вон они, ровненькие строчки на мониторе. Интересно, что скажет главный?

– Что ж, очень недурственно! – похвалил редактор, прочитав статью. – Ну, вы фантазер, однако!

– Ничего подобного! Хотите, дам телефон своей Музы?

Два месяца спустя Володя Зимин и Катя Бегунова поженились. Теперь Зимин работает в солидном журнале, а его супруга недавно защитила диссертацию под названием: «Музы: миф или реальность?»

Владимир КУЛИБАБА

НАМ ТРИДЦАТЬ

Сиреневый бульвар,
Березовый рассвет.
Гуляет – млад и стар,
Нам всем по тридцать лет:
Мальчишечке на каре,
 девчоночке на пони,
И мне с воздушным шариком
 и с призовым купоном.

Тридцатая весна,
Тридцатый листопад.
Пришли мы все сюда,
На Троицкий Арбат.
Сквозь окна РОСТА
 и витрины “Самохвала”
У горожан я вижу
 приращенье нала.

Из плиток тротуар,
На ножках фонари,
Сиреневый бульвар
Гуляет от зари.
“Пятерочка” и “Байтик”
 и “Книжник” и “Аптека”
До крыш вибрируют
 от нашей дискотеки.

Под ночь салюта жар –
В честь Троицка виват!
Сиреневый бульвар,
Малиновый закат.
А кто взаправду крут,
 напрасно не ори,
Гуляем от души
 до завтрашней зари!

* * *

Безысходность ужаснее смерти.
Скрежет нервов, натянутость жил...
Вы
 из
 штопора
 будней
 выйти
 сумеете?
Я, вот, жив...

Снова мыслями я обрастаю,
Как Икар, чтобы снова парить,
Чтобы снова, у Солнца растаяв,
Што-
 по-
 рить!

Только с каждым все большим прозреньем
Небо ближе ко мне и синей.
Только с каждым ударом о землю
Я сильнее!

* * *

Был снег январской чистоты
И воздух отзывался звоном.
Тревожно-синеватым взором
Глядело небо с высоты.

Я в храм березовый вошел
И в нем как будто раздвоился –
Среди деревьев растворился
Своей возвышенной душой.

Я в снег январский ею врос.
Ничуть не чувствуя мороза,
Она тонюсенькой березой
Застыла среди больших берез.

* * *

Как неподкупна тишина –
Дари ей щедрые подарки,
Льсти, угрожай, потворствуй –
Враки!
О тайне промолчит она.

Ей исповедаться могу,
Доверить то, что даже другу
В момент смертельного недуга
Я не доверю и солгу.

В трущобах памяти гниет
Заноза давнего обмана,
И вот, нежданно, нежданно,
Она, нет-нет, да и кольнет.

И станет горько потому,
Что не найти мне излеченья.
Душе одно лишь облегченье –
Есть исповедаться кому.

* * *

Перемалывает время,
Словно жернова,
Колоски-стихотворенья
В зернышки-слова.

Рассыпается на звуки
Сладкозвучность фраз,
Если в них нет сердца муки,
А один лишь фарс.

Остаются те творенья,
Что из всех стихов,
Силой слов и вдохновенья
Крепче тьмы веков.

О, поэты, Солнца дети,
Ваш высокий труд
Даже жернова столетий
В прах не перетрут.

Время – критик самый строгий.
Хочешь знать ответ,
Все свои скупые строки
Вверх ему, поэт!

Валерий САВОСТЬЯНОВ

ГОГОЛЮ

Мы потеряли не в бою
Страну великую свою –
Державы вековые скрепы
Рубили росчерком пера
Опять предавшие Петра
Три беловежские Мазепы.

Не помогли тома твои,
Замешанные на любви,
На братской нежности славянства,
Найти надёжные пути
И нашу Родину спасти
От подлости, от окаянства.

Боюсь, великий Ревизор,
Увидеть беспощадный взор
И услышать укор суровый,
Когда ты спросишь нас:
«Не вы ль
Виновны, что лютует Вий,
Как Змей-Горыныч, трёхголовый?»

А что ответить?

Как не мы:
Давно ль Днестра, Москвы, Невы
И Свислочи струи кипели –
Но и фашистский бомбовоз
Не смог поставить под вопрос
Величье киевской купели.

Одной водою крещены,
Победной славой возвращены –
Одной судьбой неустрашимой,
Росс, малоросс и белорус,
Обречены мы на Союз,
Навек святой и нерушимый!

Не зря ведь, Гоголь, твой Тарас
Опять заблудших учит нас
Тому, как лечится измена!
И мы отстроим топором
Всё, что разрублено пером
Ополоумевшего Змея!..

ЧИТАЯ СМЕЛЯКОВА

От занятия такого
Невозможно устать:
Я могу Смелякова
Хоть сутки читать.
И сегодня не ржавы,
Не одеты во мхи,
Песнопевца Державы
Боевые стихи.

В них на благо Союза
Веком призваны все:
И в юнгштурмовке муза,
И воин в кирзе.
И на благо Мосбасса,
Что ныне забыт,
В них рабочего класса
И парады, и быт, –
Где подземные лавы –
С рекордным углём,
Где шахтёрские лампы –
С путеводным огнём!
Вот где равенство, братство,
Вдохновенье труда!..

А сегодня – богатство
Не знает стыда:
Ни возвышенных мыслей,
Ни «строгой любви».
Будто в газ углекислый
Нашу лампу внесли!
Нашу лампу, какую
Горный мастер берёт,
Чтоб вести, не рискуя,
Свою смену вперёд.
А погас огонёчек –
Понимает любой:
Нужно без проволочек
Покинуть забой!
И коль слышит бригада:
Нет шахтёра в строю –
Друга вытащить надо
На живую струю!..

Мы погибнуть могли бы
В глухом тупике –
Но отыщем огниво
В смеляковской строке,
Им ударим о ямбы,
О гордую речь –
Путеводные лампы
Русской жизни зажечь!
От занятия такого
Невозможно устать.
Так давай Смелякова,
Друг мой, вместе читать.

И сегодня не ржавы,
Не одеты во мхи,
Песнопевца Державы
Боевые стихи...

РЕКОМЕНДАЦИЯ

*Светлой памяти
Николая Константиновича
Старшинова*

«...Здесь ничего не покупают
И ничего не продают».

Н.Старшинов

Когда «реформы» валят с ног
И я – оглох от лжи и мата,
Я достаю простой листок
Одиннадцатого формата,

Где написал любимец муз,
Скупой в словах суровый воин:
«... Рекомендую в Наш Союз
И твёрдо верю, что достоин!»

Его, к несчастью, нет уже,
Но он, мужавший в злую осень,
Учил стоять на рубеже –
Как под Москвою Двадцать Восемь...

А нам – иначе и нельзя,
Нам невозможно по-иному,
Поскольку мы – Союз, друзья,
По Совести и Старшинову!

Нас больше –
Всех не перебьют!
И, хоть на горло наступают, –
«Здесь ничего не покупают
И ничего не продают».

МАМЕНЬКА

Ветер холоден и вьюжен
Оглашенный снеговой...
Никому-то ты не нужен,
Кроме маменьки своей.

Огонёк далёкий светит
Из-под ставенки одной.
И никто тебя не встретит,
Кроме маменьки родной.

Ты оборван и не выбрит,
Колесованный бедой –
И никто слезу не вытрет,

Кроме маменьки седой...

Ты уснёшь,
Но в сон твой дышит
Огнедышащий дракон –
И никто твой стон не слышит,
Кроме мамы у икон.

За окошком вьюга воеет,
Бесы лезут на порог,
Но стоит Великий Воин,
Воин Духа, поперёк...

А проснёшься – варит, жарит.
С торбой снеди и обнов
Так никто не провожает –
Только маменьки сынов!

На развилке у пригорка,
Где позёмка иву гнёт,
Так никто не крестит горько,
Что-то зная наперёд...

И не зря тебе казаться
Стало вдруг на склоне лет:
Богородицей Казанской
Смотрит маменька вослед.

П Р И М Е Р К А

В электричке холодно, сыро,
Темень и дождь в окне...
Она вязала свитер для сына,
А примеряла на мне.

Прикинув: до дома можно успеть ли? –
Без всякого чертежа

Самозабвенно считала петли,
Спицами ворожа.

И ей дорога, что тянется, как резина,
Казалась короче вдвойне.
Она вязала свитер для сына,
А примеряла на мне.

И я поворачивался терпеливо
И молча вставал потом –
Уж как-то по-детски сиротливо
Просила она о том.

Она сказала: «Теперь трясина
И заморозки в Чечне...»
Она вязала свитер для сына,
А примеряла – на мне.

Однажды, видимо, не без причины
Взгляд её замерцал:
Как на солдат похожи мужчины,
А воюет – пацан!

Но ни о чём она не спросила,
Лишь, тихая, как во сне,
Она вязала свитер для сына –
И примеряла на мне.

Другие пели – она не пела,
Не ела и не пила...
Она довольно много успела
И незаметно сошла.

А я, очистив пол-апельсина,
Из фляги чуть пригубя,
Уже не свитер – судьбу её сына
Примерял на себя...

Анатолий КОРОБОВ

ДЕТИ ПЛАМЕНИ

После стольких лет тишины,
Не смолкает эхо войны.
Несмотря на дожди и замети –
Нет конца этой горькой памяти.

В землю черную, в невозврат –
Распластавшись, упал солдат.
Но, упрямый и молодой –
Он взошел фанерной звездой.

На гранитный встал пьедестал,
В небесах звездой заблестал.
Не нашлось у врага свинца
И железа против бойца.

Обездоленная братва,
Как мы только такое вынесли?
Исхудавшие, как ботва –
На земле обожжённой выросли?!

Все смотрю и смотрю назад –
Снова слышу гром канонад.

Слышу отзвуки злой беды,
В тихом шелесте лебеды.

Снова вижу Мессера крен,
Сквозь кинжальный надрыв сирен.
Наяву, не в немом кино –
Перечеркнутое окно.

Грохот пушек – не грохот гроз.
Не забыть материнских слез.
Но, сквозь толщу кровавых лет –
Просочился победный свет.

Как мы жаждали той весны –
Дети пламени и войны.
И пророс он, как небо крут,
Над притихшей страной салют.

Не слышали только отцы –
Залпов звонкие бубенцы.

* * *

Н. Старшинову.

Опустошенная войной,
Душа уже не ждет побряжки.
Грудь обжигающие бляшки –
Совсем не крылья за спиной.

Душа уже не жаждет благ...
Из прошлого невозвратима
Она, как опаленный флаг
Живет среди огня и дыма.

Ей снится взрытая броня,
И пуль трассирующих рвота.
И, словно градом зеленыя –
Свинцом побитая пехота.

БРЕСТ

Трагический покой
И тишина окрест.
За дремлющей рекой,
Алеет крепость Брест.

Величие храня,
Застыла грань Звезды.
И, голову склоня,
Стою я у воды.

Тяжелый, как свинец,
В налете седины,
Струится Муховец –
Багровый шрам войны.

Превыше звездных сфер,
Презрев смертельный ад,

Как доблести пример-
Из камня встал солдат.

И, устремлен в зенит,
Любым врагам на страх –
Граненый штык звенит
На голубых ветрах.

Я слышу сердца стук,
Поправших смерть парней.
И реквиема звук
Из глубины камней –
Суровый, как броня,
Как гул тревожных лет.
.....
И вечного огня,
Горит на гранях свет.

ОСЕНЬ 1941 г.

Этот длинный, длинный день –
Неизбывный голод.
Самолета злая тень,
Канонады молот.

Жизнь безжалостно больна –
Гибнет в свистопляске...
По Земле идет война –
Свастика на каске.

Смерть – гремучая змея,
Тешится, старуха –
Разрушеньем бытия,
Расщепленьем духа.

В просинь, в Красную Звезду –
Бьет, вода прицелом...
Мне три года. Я бреду,
Полям опустелым.

Я ступаю по стерне,
А стопы босые.
Я сжимаю в пятерне
Горький хлеб России.

АКВАЛАНГИСТ

И вот, сомкнулся круг
Над полосой приборя.
И не вернулся друг,
Как, самолёт из боя.

Резервы истекли,
Отходы перекрыты.
От рубежей Земли –
Ушли его орбиты.

Не опрокинуть ночь,
Не передвинуть сроки.
Уже не превозмочь
Излом судьбы жестокий.

И словно знак беды,
Там, от горы направо –
Две голубых звезды

Подёрнулись кроваво.

Белёса и бледна,
Луна едва светилась.
И горькая волна,
Шурша,
К ногам катилась.

Геннадий СОЛОВЬЕВ

ВСТРЕЧА

Это не может присниться,
Это не каждый поймет, –
Слезы твои на ресницах
Слаще, чем липовый мед...
Алые щеки, как розы,
Губы пылают огнем,
Чувство, как бурное море,
Я – утопающий в нем...
Рвется мой парус на части,
Камнем иду я на дно
И задыхаюсь... от счастья
Вместе с тобой, заодно...
В жизни страница открылась
Книги, что я не читал,
Ночью, которая снилась,
Днем, о которой мечтал...
Будут там сладкие слезы,
Горечь ненужных разлук,
Ласковый шелест березы,
Счастья не скошенный луг...

ДРАГОЦЕННЫЙ ПОДАРОК

Милая, милая до бесконечности,
Микрочастичка небесного тела,
Ты – драгоценный подарок из вечности
Счастьем ко мне прилетела...
В небе метался я воином-соколом,
Богом хранимый от гибели, зла,
А его ангелом рядышком, около,
Ты, моя радость была...
В жизни сошлись наши судьбы-дороженьки,
Так предначертано, Богу видней...
Я за тебя ему кланяюсь в ноженьки,
След твой – весь Свет на дорожке моей...

ИСПЫТАНИЕ НА ПРОЧНОСТЬ

Серой лентою дорога
Под колесами шуршит,
Сбавить скорость бы немного,
Ну, зачем она спешит?..
И своей рукою нежной
До упора крутит газ,
Ураганом, бурей снежной
Пролетая мимо нас...
А над ней синее небо,
Облака белей, чем снег,
Мотоцикл ее, как небыль,
Ускоряет свой пробег,
На нее дорога мчится,
Извивается ужом,
Нас бесстрашная девица
Изумляет виражом...
Вдруг, за лесом раздается
Тормозов свирепый визг,
Мотоцикл о землю бьется, –
Руль, колеса, рама – вдрызг!
Мы кричим, кусты ломая:
«Все, девчонки больше нет!»
А она идет, хромая, –
«Что вы, мальчики, привет...»
«Кто ты, Нинка или Верка,
Шла б сниматься в Голливуд!..»
«Тише, мальчики, проверка...
Нелли – так меня зовут...
Испытание на прочность
Провела судьба моя,
Мне теперь известно точно,
Что железа крепче я...
А осталась без машины
И ушиблась – поделом...
Помогли бы вы, мужчины,
Мой собрат металллом...»
Мы слегка остолбенели,
Широко раскрыли рты...

Да, у этой смелой Нелли
Очень милые черты...
Шлем она в руках держала,
Смех в глазах, немой вопрос...
На спине ее лежала
Золотая прядь волос...
Ни досады, ни испуга,
Лишь притух румянец щек...
Парни, глянув друг на друга,
У ее упали ног...

Прожила, не ссорясь с Богом,
Нелли много светлых дней,
Проработав педагогом,
Аж до пенсии своей...
Вяжет, дачу штукатурит,
Грустно – песенки поет,
Не ругается, не курит,
Разумеется, не пьет...
Есть любимцы – внушки, внуки,
Есть здоровье, голова...
Получает Нелли в руки
Скоро новые права...
И одно я знаю точно,
Не наступит новый цикл
Испытания на прочность,-
Мерседес – не мотоцикл...
Ну, а если, вдруг, вернется
Прежний девичий задор,
Вряд ли он перевернется
Или врежется в забор...
Он водителя доставит
В гости к нам за полчаса,
Ведь не зря машинам ставят
Все четыре колеса!..

РОЗА – НЕДОТРОГА

Я, как путник запоздалый,
Шел своей дорогой,
Повстречался с Розой алой,
Розой – недотрогой,
Воспылал я к ней любовью,
Стал срывать руками,
Обагрив руки кровью
Острыми шипами...
Не испытывал я сласти

От любовной боли,
Все искал я в жизни счастья,
Словно ветра в поле...
А судьба в конце пути,
Следом в след шагая,
Помогла тебя найти,
Роза дорогая!
Ты коли меня, пой
Ароматом нежным,
Лепестки твои – мои,
Это неизбежно...
За любовь ты не кори,
Не суди так строго,
Алым пламенем гори,
Роза – недотрога!..

ЖЕНИХ

Крот позвал сестру: «Сестрица,
Не пора ли мне жениться?..»
Соглашается сестра:
«Ой, давным-давно пора...»
Улыбнулся жирный крот,
Говорит сестре: «Так вот,
Мне невесту побогаче,-
И не может быть иначе...
Не нужна мне красота,
Я – сплошная слепота...»
Привела сестра невесту:
«Брат, вот эта будет к месту...»
Крот сказал невесте строго:
«Разрешите вас потрогать.
Это, милая, не шутка,
Важно знать, цела ли шубка...
Кстати, спрашиваю вас,
Есть ли на зиму запас?..»

Был запас ее таков:
Сто сушеных червяков,
Двести вяленых козявок,
Маринованных пиявок,
Я не знаю сколько грамм,
А личинок – килограмм!
Еще гусениц кило...
Крот подумал: «Повезло...»
Говорит сестре: «Сестрица,
Я готов на ней жениться...»